Вырезан из газеты

ГОРЬКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Горький

7 ФЕВ 1976

ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ ЗАНАВЕСА

РЕПОРТАЖ

...М ЕДЛЕННО гаснет свет в зрительном зале. Еще минута — и раздвинется бархатный занавес, переноса вас в праздничный, яркий мир искусства. Кому не знакома эта томительная минута ожидания чуда?..

Но если бы вам довелось побывать в эти мгновения по ту сторону занавеса, вы испытали бы совершенно иное чувство. Вас посетило бы волнение соучастия в предстоящем действе. Да, да, по каким-то неведомым каналам вам передалось бы эмоциональное напряжение десятков людей, которые готовили спектакль и сейчас, через минуту, покажут его требовательному зрителю.

Иной спектакль начинали «готовить» для вас еще... несколько веков назад. Вереница столетий отделяет наше время, например, от Шекспира. Любая постановка — плод нескольких месяцев напряженного труда режиссера, дирижера, художника, балетмейстера, артистов, работников производственных цехов театра. Но не об этой подготовке нынче речь. Налаженный, поставленный единожды, спектакль готовится к показу зрителям перед каждым новым представлением.

Спектакль начинается с рабочего, с рабочего сцены. За три, а то и за четыре часа до открытия занавеса приходит в Горьковский театр оперы и балета им. Пушкина монтажная бригада, возглавляемая главным машинистом сцены А. К. Мангушевым. С шутками-прибаутками принимаются рабочие за дело. Сперва им предстоит снять, как здесь говорят, уже прошедший спектакль. Только после этого устанавливаются декорации нынешнего, сегодняшнего.

Богаты «одежды» современной оперной или балетной сцены. Это всевозможные написанные на холсте или другой ткани арки, падуги, кулисы, задники, легкие интермедийные занавесы. Среди скатанных и жудящих своего часа полотнищ можно найти сад Лариных и пейзаж с озером и знаменитую балету Чайковского, тревожное небо столицы 1941 года из оперы «Ле-

тят журавли» и Москву златоглавую далеких годовушских времен...

Так называемые мягкие декорации закрепляются над сценой на длинных металлических штангах — штангетах посредством довольно хитрой системы блоков. Всей этой машиной управляют нажатием кнопок с помощью электромоторов. Нажал кнопку — и возник на сцене средневековый замок. Нажал другую — его сменил сказочный дремучий лес или яркая солнечная поляна.

— Перед началом представления приходится подвешивать декорации сразу для всего спектакля, — замечает заведующий постановочной частью А. И. Горшков. — Потому мы и говорим иногда: «зарядить спектакль». Ведь потом, в ходе оперы или балета, этим заниматься будет некогда. Там каждая минута на учете: сами по себе, наверное, знаете, как нетерпелив зритель.

Следом за мягкими декорациями подготавливаются каркасные — отдельные деревья, двери, стены домов и т. п., а также мебель, всевозможный реквизит.

Чего только нет в режиссерских «кладовых» театра! На полках, столах, в шкафах, прямо на полу сложены картонные латы и деревянные мечи, фрукты и цепи из папье-маше, бумажные цветы и опахала, музыкальные инструменты и посуда всех времен и народов. Вот сверкающая драгоценными камнями и жемчугом держава Бориса — символ его царской власти. Вот блестящий серебряный арбалет со стрелой из балета «Лебединое озеро». Каждую из этих сотен вещей надо вовремя извлечь из огромной груды добра. Каждая в точно указанный срок должна появиться на сцене.

Рабочие еще не закончили колдовать с декорациями, как за подготовку своего сложного хозяйства взялись осветители. Лучи десятков софитов и прожекторов, направленных на сцену, неузнаваемо преобразуют, оживляют

ее. Правда, все зависит от того, как, чьей рукой направлены эти лучи. Здесь нужны мастерство, выдумка, подлинно художественный вкус. Недаром осветителями в театре руководит человек, должность которого называется так поэтично и вместе с тем так точно — художник по свету.

Вместе с М. И. Колесниковым сажусь за пульт управления переменами света, что находится в регуляторной будке, рядом с суфлерской. На пульте — 120 светостатных ручек, по числу световых точек. Поди управься! Иногда приходится работать и руками, и ногами, — смеется Михаил Иванович, просматривая састовую партитуру сегодняшнего спектакля.

Осветитель в театре «по смеистельству» командует и тучами, молниями, дождями, снежными бурями. Колесников показывает мне прозрачный стеклянный диск с нарисованными на нем синими бородавками. «Это — переливающиеся водяные струи из «Бахчисарайского фонтана», — поясняет он. Луч света, проходя через вращающийся черный круг с множеством мелких отверстий, дает чудесный эффект падающего снега.

Тем временем зажглось несколько огоньков у пюпитров в оркестровой яме. Раньше других музыкантов — за час, полтора, а то и два — обычно появляются духовики. Так было и на сей раз. По полутемному пустынному зрительному залу разнесся первый несмелый звук трубы. Перед спектаклем, как говорят музыканты, надо «раздуть» инструмент, чтобы он стал теплым, нужно разыграться...

Впрочем, полутемный зал не вполне пуст. Уже пришли билетеры. Сейчас они расхватают бархатные кресла, наведут в зале окончательный уют. И встанут у входа в зал со ступочками театральные программ в руках, готовые встретить первых зрителей.

Задолго до открытия занавеса приходят в театр главные участники спектакля —

актеры. Подготовить голос перед исполнением сольной партии, распеться или разогреть мышцы ног, тела, сделать их эластичными — очень важно для солиста оперы, для артиста балета. Не менее важно войти в образ, отдаться во власть чувств, пережить своего героя, героини.

В эти минуты артисту хочется побыть наедине со своими мыслями, хотя бы в уме еще раз пройти наиболее ответственные места своей партии. И это несмотря на то, что утром, как всегда в день спектакля, был урок, на котором самые трудные фрагменты роли повторялись не один раз.

В это же время актеры одеваются, гримируются. Кошмар К. И. Лебедева (она в театре, может сказать, с самого его основания, то есть без малого сорок лет) уже тщательно отутюжила, где надо, подкрахмалила костюмы своих подопечных. Художник-гример А. Ф. Сладников (он пришел в театр почти что мальчиком) старательно привел в порядок, причесал, подзавил парик...

Но вот раздается первый звонок. Нет, это еще не для зрителей. Это для актеров, для всех других участников спектакля. Ведущий режиссер С. Н. Бессонова по внутренней радиосвязи объявляет «первую готовность». Бессонова уже обошла все службы театра, имеющие непосредственное отношение к сегодняшнему спектаклю, узнала, что осталось доделать, все ли артисты в гримерных.

...Привычно медленно тянется время. Актеры давно уже на своих «рабочих местах», перед закрытым занавесом. Творческим волнением солистов, артистов хора, кажется, наэлектризована вся сцена. «Внимание! Даю третий звонок. Начинаю спектакль!» — раздается в напряженной тишине голос ведущего.

Мигает красный глазок на пульте дирижера. Взмах палочки, и затихающий зрительный зал наполняют первые звуки увертюры. Спектакль начался.

Б. ПОЛУШКИН.